

Светлана Руденченко

СЕРЕБРЯНЫЙ КОВШ ВОДЫ

Стихи

«ЕСТЬ ПРОМЫСЕЛ И В РАДОСТИ, И В БОЛИ...»

«Рождаются поэты в октябре...» Она и сама родилась в октябре. Совсем недалеко от нее отстоят ее любимчики — Сергей Есенин, Марина Цветаева. А как учителю без любимчиков? Да, большую часть жизни Светлана Борисовна Руденченко проработала в школе. Работала — и всегда писала стихи. Как и Есенин, она сплетала свои строки из трав и цветов, разрисовывала их чарующими красками рассветов и закатов, наполняла переполняющей сердце любовью — к каждой травинке и ко всей шестой части Земли «с названьем кратким Русь». Как и Цветаева, постоянно пыталась вырваться из пределов, отведенных человеку для земного существования. Любимой ее книжкой были «Воспоминания» Анастасии Цветаевой: «Открываю ее на любой странице — и ухожу в ту жизнь; в сотый раз открываю, а все равно интересно...» Что и понятно: глубина творческих личностей такого масштаба, какими были сестры Анастасия и Марина Цветаевы, — неисчерпаема...

Она и сама была рекой, не имеющей дна: сколько ни черпай, все равно берега полны. Потому что питает реку вся окружающая ее земля, потому что проливаются благодатные потоки влаги с неба. Она их не предала и не оставила — родные края: получив высшее образование в Воронеже, приехала работать в Новохоперский район, село Пыховку, где в местном совхозе директорствовал ее отец. Светлана Борисовна со временем тоже станет директором, только не совхоза, а школы, где до того много лет проработала учительницей. Мне приходилось бывать на ее уроках, и я поражалась тому, с какой легкостью она переключалась с эпохи на эпоху, как подробно рассказывала о жизни ее ярчайших представителей — ну словно сама долго жила среди них, и потому ей известны все повороты и тайны их судеб. Глаза учеников были открыты широко и удивленно...

А после уроков — то, что у каждого сельского жителя: на ее подворье хрюкало, мычало, кудахтало; в огороде набирали силу картошка, огурцы, помидоры... Однажды пришлось услышать от тогдашнего директора местного краеведческого музея: «Захожу к Светлане Борисовне во двор. Меня встречает женщина в калошах, старой заношенной куртке, не раз стиранном платке. И это — она, тончайший лирик и создатель удивительных по красоте поэтических строк?..»

Да, эта невысокого роста женщина сочетала в себе множество ипостасей: крестьянки и сельского учителя, жены, матери, а потом и бабушки. Сочетала — и вез-

де умудрялась проявлять себя с полной силой. Всего этого вполне бы хватило для простого человеческого счастья. А она...

А я во сне и наяву летаю,
Рассудку осторожному не вняв,
И просыпаюсь с бесконечной тайной
Земли и неба, света и огня...

Зачем она взвалила на свои плечи эту сверх-ношу — чтобы в самом деле постигнуть тайны земли и неба? Или оттого, что «много о себе понимала»? Наверное, и та, и другая догадка будут верны. Впрочем, она «много понимала» о каждом из нас. Речь не о подвигах. Хотя — смотря что понимать под громким словом «подвиг»: почитать Библию — так там этим словом обозначается обычная семейная жизнь, полная трудов и планов, рождения детей, ссор и замирений, схождения и расхождений... Вот и утверждайте после этого, что «какой же это подвиг». Самый, увы, настоящий. У нее даже был рецепт решения всех вышеперечисленных проблем — рецепт счастья, которым она щедро и ненавязчиво делилась со всеми. В чем он заключается? Да... в любви, в чем же еще. Вот только как-то странно, непривычно для многих из нас она ее понимала.

Уязвлена душа любовью,
И потому ей равно быть
Рабынею иль госпожою,
Безумный труд ее — любить...

А мы-то как раз привыкли считать и хотеть, что если любовь — так пусть будут одни мимозы и никаких тебе слез. И лучше при этом быть, конечно же, госпожою, и уж никак не рабыней...

Нет, она не была ни мазохисткой, ни человеком жестоким — она была женщиной, понимавшей, что о росточке любви надо постоянно заботиться, оберегая его от суховея будней, укрепляя заботой и верой, прощением того, что простить, кажется, нельзя, но простить надо, потому что «есть промысел и в радости, и в боли»...

Как-то мне пришла в голову мысль записывать то, о чем мы с ней иногда беседовали. Потому что некоторые ее мысли были парадоксальными, идущими в разрез с общепринятыми понятиями и утверждениями. Про любовь я уже сказала. А вот еще: «Пишущие люди, как правило, начинают думать, что творчество — главный смысл их жизни. А ведь главное в другом». «В чем?» — озадаченно спрашивала я. И слышала в ответ: «В отношении к тем, кто тебя окружает».

Кого-то, возможно, такое утверждение разочарует: что это за поэт, для которого главное дело жизни значит так мало. Не будем спешить с выводами...

Зачем приходит слово невзначай,
Негаданно, как радость и печаль?
И радугой из глубины души
Оно на волю вырваться спешит.
Пусть ни к чему, пусть вовсе невпопад,
Его не заглушить, как водопад,
И не прервать, как пламя на ветру...
Я только молча пот со лба сотру.

Светлана Руденченко

А в другом стихотворении она будет утверждать:

Неземное мое ремесло —
Тайна тайн, вздохов вздох, песня песней...

Много ли вы знаете о поэзии таких проникновенных строк? Не удержусь, чтобы не вспомнить и такие:

Как за добычей ходит хитрый лис,
Так я чуть свет колдую над строкою:
То слово грею трепетной рукою,
А то слежу за ним из-под ресниц,
Чтоб, наконец, приставка, суффикс, корень
В единый вдох сочувствия слились...

Уверена, вы уже отказались от мысли, что сотворение поэтических строк для нашей героини — только хобби. Светлана Борисовна относилась к слову так же бережно, как мать к новорожденному ребенку. Но при этом считала, что дитя это обладает невероятной силой. Откуда она у него? Да оттого, что «рождается слово лишь волею Божьей», как утверждает Светлана Руденченко в одном из стихотворений. И это не робкая догадка, не поиск наугад — это окончательный вывод человека, выросшего и сформировавшегося в эпоху воинствующего атеизма и прошедшего трудный путь от безверия к пониманию того, что мир устроен совсем не так, как нам когда-то внушали. Одолеть этот путь было совсем непросто. Только ведь и она была не из слабаков.

Не кори гневом плоть лукавую
(Милосердный, не обессудь!),
Но из тьмы вавилонской искала
Дни и ночи к Тебе я путь.

И, однажды уверовав, она снова и снова просит:

Благослови меня, Господь,
И ниспосли мне слово, Отче,
Пылающее днем и ночью,
Врачующее дух и плоть...

Удалось ли ей получить то, о чем она так настойчиво просила? О том судить читателю. Что же касается ее самой... Сама она умела извлекать радость из всего: из запаха стираного белья, которое полоскала «в жарком мареве спелого лета», из свежего дыханья листопада, из студеной зимних дней, радующих глаза и душу лебединым дымом из труб до небес. Словом, все как у нас, только ей было дано неизмеримо больше: дано чувствовать, как под пологом летней ночи «струится легкое дыхание столетий», как под звездами августа «светлыми росами плачут поля»... да разве перечислишь все, что радовало или печалило ее на этой земле!

Вот только земное время, увы, не бесконечно. Она это знала и чувствовала острее многих, но знание это ее не пугало. Совершенно спокойно она сознавала: «Сгорят дрова, и угли станут пеплом». Совершенно спокойно она продолжала: «...и обо мне забудут без затей». Но...

Но на дворе весна уже окрепнет,
И станут слышны голоса детей!

Да, она ушла от нас ровно десять лет назад светлым солнечным апрельским днем. Все вокруг цвело и благоухало: вишни, черешни, терны — такого обильного цветения, говорили люди, не было давно. А еще на небе вспыхнула вдруг двойная радуга...

Так что простилась она с нами в полном соответствии со своим желанием: оставив нам и весну, и гомонящие на сельской улице голоса детей, среди которых непременно будут и те, что в свое время тоже начнут сплетать стихотворные строки из цветов и трав.

Она ошиблась только в одном: созданные ею стихотворные строки мы забыть не сможем. Потому что не захотим — так много они нам обещают и дарят...

Наталья МОЛОВЦЕВА

* * *

Не в окно смотрю я, покорная,
А смотрю я в небо просторное.
Силы светлые, силы добрые,
Окажите мне помощь скорую.
Вы развеите хворь на все стороны,
И склюют пусть хворь птицы-вороны.
Ключевой водой речка выстудит,
И стечет пусть боль струей быстрою.
Пусть иссякнет боль под корягою,
Босиком пройдуся я под радугой.
Впереди летит, поет горлица,
За спиной стеной Богородица.
Я иду след в след — сама смелая,
Я несу свой свет свету белому.
И встают слова зарей-россыпью,
И воздастся вам все, что просите...

* * *

Тонкое облако по-над лесом
Даже в день знойный не тает.
Это, я знаю, рифма прелестная
С ангельских губ слетает.
Чье-то дыханье туманом белесым
Трогает красные лозы.
Это я чувствую и сквозь завесу
Мамины слезы.
Все в Божьем мире светло и уместно,
Только ответ любовью,
Даже когда ничего неизвестно
И бесконечно больно.

* * *

Манит заоблачное слово,
Но не сдастся невзначай.
И надо быть еще готовым
В его присутствии молчать.

Зовет угаданное слово,
Смеется на семи ветрах.
Но надо быть еще готовым
Изжить в себе и гнев, и страх.
И с нетерпением птицелова
Не ухватить сейчас и вдруг.
Но надо быть еще готовым
Отдать ему и плоть, и дух.
И даже, путь осилив Млечный,
Начать все с чистого листа.
Тогда едва ли будет легче...
Но слово освежит уста.

* * *

Взрывает вопросов глыба
Бессонные бездны сна,
Где звезды баюкает нимбом
У вечности в няньках сосна.
Ни зверя вблизи, ни прохожего,
И ночью светло, как днем,
И камень-валун у подножья —
Горячие слезы на нем.
Трепещут живые зарницы,
Нестрашный бормочет гром.
Стоит край дороги криница,
И ковш горит серебром.
И в полыме разнотравья
Вселенское полотно.
И миг сей грядущим правит,
И прошлое грезит в окно.
И, восходя на плаху
Мыслей своих и чувств,
Смеяться чему и плакать
У трав и созвездий учусь.
И прорастает время
Крыльями за спиной.
И кажется — время
Внизу подо мной.
А нового дня граница
Размыта туманом седым.
И манит испить криница
Серебряный ковш воды.

* * *

И слава померкнет, и сменятся даты,
Иссякнет казна золотого тельца...
Лишь радость оставил в наследство Создатель,
И радости этой не будет конца.

Так в каждом названье, так в имени каждом
Увидишь творца ослепительный след.
Сам знал ты об этом — но только однажды,
Доверившись страху, ослеп.
Но радость тебя на рассвете разбудит,
И радостью день удивит,
И ты угадаешь в мелодии буден
Вселенской любви алфавит.
Ах, яркое пенье беспомощной птахи
Правдивее слов мудреца...
Ах, ты еще вспомнишь, как радостный, плакал,
Спасенный в объятьях Отца.

* * *

1

Весна обошла стороною.
Нетающий снег в огороде.
И спорить что толку с судьбою,
Оставшись один на один,
С зияющей раной сквозною
В беснующемся половодье —
С беспомощною любовью
Среди ослепительных льдин.

2

Но как же ты нежен со мною!
Хоть лето уже на исходе...
И сердцу и тесно, и больно,
И томно, и жарко в груди.
Но все притяженье земное
Вдохнул ты в признание: «Сегодня
Мы вместе еще с тобою.
И завтра — не уходи...»

3

Помидоры уберу с порожка.
Спотыкнусь о яблоко в строке.
Все плохое было понарошку,
Не про нас, как слово «уикенд».
А у нас, смакуя лета крошки,
Лебеда цветет и иван-чай.
И еще на пасеке в сторожке
Можно Спас увидеть невзначай.
И хозяйка деревянной ложкой
Верх густой снимает молока.
И бычок, отращивая рожки,
До темна пасется в облаках.

Яблонька перерастет окошко,
Прозвенит оскоминой в строке...
Ненароком прикоснусь ладошкой
К брызгам солнца на твоей щеке...
Не грусти, что луг роскошный скошен
И вода остывшая в реке...
Знаю, будет много дней погожих
Сладкою малиной в кузовке.
А потом, уже не понарошку,
Мы уйдем с тобой, рука в руке,
Оставляя лунную дорожку
И туман холодный в осоке.

* * *

А путь недалек и долог.
И зноя полуденный полог
Насквозь продырявил бурьян.
Смотри, ночевал здесь сохатый,
А были белены хаты,
Полунинский хутор стоял.
Я взор опускаю долу,
И сердце сжимает холод,
Свист ветра и всхлип колес...
Пропали и люди, и даты.
В руинах родные пенаты,
И выцвело небо от слез.
Здесь росы особенно рьяны,
Здесь тени терзают бурьяны,
Да редок непрошенный гость...
Ни правых, ни виноватых.
Быльем поросло все когда-то —
И Бог весть, где сыщешь погост.

* * *

Древнею мудростью змея
Разум земной грешит,
И никогда не сумеет
Вычислить он души.
Мира незримые токи
Разумом не объять...
В сердце — живые истоки
Ветра, воды, огня.
Я простираю руки
Средь журавлиных стай.
Крыльев парящие звуки —
Путеводитель тайн.

Я просеваю сквозь сито
Спелое облако слов.
Вечности жгучий напиток —
Мой драгоценный улов.
И ухожу по тропам
В звездное зарево бездн
С веточкою укропа,
С рифмою или без...
Глупо или не глупо?
Только не все ли в одном?
Вечностью стала минута.
Божьей вселенною — дом.